К II 10/80

№ 762

Брош. I 98.

Н. М. Соловьевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ РЕЛИГІОЗНОМУ СОЗНАНІЮ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.
Москва—1916.

К II 10/80

Н. М. Соловьевъ.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ РЕЛИГІОЗНОМУ СОЗНАНІЮ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ".
Москва—1916.

Гос. ... Научн. Б-ка
... РСФСР
№ 364742
„—“ —— 193 г.
М

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1916.

Современная война въ ея отношеніи къ религіозному сознанію*).

„Реймскій соборъ взволновалъ весь міръ, — пишетъ одинъ современный русскій философъ-публицистъ**). – И хочется сказать взволнованнымъ, — продолжаетъ онъ: — „о чемъ вы плачете? Что погибъ памятникъ искусства? Вѣдь объ *этомъ* всѣ крики, всѣ вопли. Никто не плачетъ рѣшительно, что погибъ *народный домъ молитвы.* Вспомнили всѣ, что Реймскій соборъ упоминается въ Жаннѣ д' Аркъ Шиллера, и не вспомнили, что всего только вчера въ немъ молились горожане, крестьяне, военные,— вообще вѣрующіе... Всѣ оплакивали *музей* и никто рѣшительно не плакалъ о *религіи.* И вотъ мнѣ кажется,— говоритъ этотъ философъ,—что гораздо раньше прусскихъ ядеръ его разрушило общее, вовсе не прусское только, но вообще европейское отношеніе къ религіи, къ молитвѣ, къ Богу... Богъ отнимаетъ у насъ то, отъ чего мы сами отказались и все больше отказываемся. Зачѣмъ вообще этотъ „Музей XIII вѣка", который практически и въ живыхъ дыханіяхъ пересталъ быть „соборомъ"— соборомъ для страны и государства, совершившихъ „отдѣленіе государства отъ церкви",— и оставленъ только снисходительно для обывателей, для темныхъ мѣщанъ и вѣрующихъ женщинъ, „не понимающихъ пока своихъ предразсудковъ?.."

---

*) Лекція, читанная въ 1915 году.

**) В. В. Розановъ. „Война 1914 г. и русское возрожденіе".

„...Ахъ, Европа, Европа, восклицаетъ нашъ философъ ахъ, дорогая Европа: если бы ты перемѣнила дыханіе съ этой ужасной войной и оплакала многое въ себѣ, о чемъ давно не плачешь, но что поистинѣ достойно слезъ!

„Эта проклятая каннибальская война рветъ какъ дикарь кружево — великія святыни вѣры, поднятыя руками вѣковъ, — руками, и вѣрою, и пламенемъ. Но не великая ли это угроза съ небесъ: „вы отвернулись отъ *молитвы* и вамъ не будетъ больше *просвѣщенія*".

„Вотъ смыслъ, вотъ говоръ и языкъ событій. Дорогіе европейскіе братья, вы должны плакать о каждой хижинѣ-церкви, если она разрушается, о деревянныхъ церквахъ стоимостью въ двѣ тысячи рублей, — и тогда, только тогда у васъ не будутъ разрушаться и Реймскіе соборы! Если нѣтъ религіи — à bas храмы! Но есть ли религія-то? Развѣ не тысячи усилій положены писателишками всѣхъ ранговъ и философами всѣхъ степеней, чтобы ее разрушить...

„Европа, пора задуматься! Страшенъ не вандалъ, у котораго молотъ въ рукахъ, страшенъ хитрецъ, у котораго подленькая мысль въ мозгу, плоская мысль низкой душонки, въ которую не умѣщается пониманіе ничего благороднаго, ничего возвышеннаго, ничего небеснаго. Она хихикаетъ, эта мыслишка, въ убожествѣ не понимая, что она всего только мысль мыши, — видя толпу людей, которая стала на молитву. „Зачѣмъ? Къ чему? Вѣдь небеса пусты, а сердце всего только мускулъ съ красной жидкостью".

„Такъ намъ пѣли съ Запада, продолжаетъ нашъ русскій философъ. Русскіе дурачки подхватывали. Они все подхватываютъ, эти наши русскіе дурачки. Германія Бисмарка, вѣрящая не въ Бога, „въ свой кулакъ," только повторяетъ и осуществляетъ умственную Германію временъ Молешотта, Бюхнера, Фейербаха и Макса Штирнера, по-

вѣрившаго въ свой замѣчательный „мозгъ“; въ тотъ мозгъ, который, по образному выраженію толстобрюхаго Карла Фохта, „выдѣляетъ мысль не иначе, какъ почки выдѣляютъ *урину*“.

„Европа поклонилась этому замѣчательному „мозгу“. Чего же она взволновалась, когда поднялся этотъ желѣзный „молотъ?“ „Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“; „кто любитъ кататься — люби и саночки возить“.

„Нѣтъ, не *теперь* намъ плакать,— и не объ этомъ Реймскомъ соборѣ. *Давно* надо было начать плакать: о томъ, что отнята у насъ душа безсмертная и на мѣсто ея мыслителишками вложена кривая сухая палка“.

Можетъ быть, все это нѣсколько сильно, но тѣмъ не менѣе глубоко правдиво.

Какъ у насъ эти „писателишки“ старались отнять безсмертную душу и къ какимъ при этомъ прибѣгали средствамъ — это мы покажемъ на одномъ примѣрѣ. Вотъ передъ нами одинъ изъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ безбожія и вражды къ христіанству профессоръ Геккель, о которомъ даже наши русскіе его поклонники выражались въ недавнее время такъ: „Это ученый, котораго другіе ученые считаютъ сильнымъ въ философіи. Это философъ, котораго другіе философы считаютъ сильнымъ въ наукѣ. Это человѣкъ, написавшій безчисленное количество работъ, съ которыми едва считается современная наука!“ И тѣмъ не менѣе нѣкоторые готовы были прославлять его и какъ ученаго и какъ философа.

Извѣстность свою, какъ естествоиспытатель, профессоръ Геккель получилъ своими изслѣдованіями по морфологическимъ наукамъ, сравнительной анатоміи и эмбріологіи. Но онъ не захотѣлъ ограничиться такой извѣстностью и, получивши каѳедру въ Іенскомъ университетѣ, посвятилъ себя пропагандѣ дарвиновскихъ теорій посредствомъ публичныхъ лекцій, популярныхъ книгъ и брошюръ. Его многочисленныя сочиненія были перева-

дены (распространителями безбожья) на многія языки и изданы въ тысячахъ экземпляровъ. Принимая эти теоріи за священный догматъ, который не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ и не допускаетъ никакого возраженія, онъ всѣми силами старается распространить ихъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества. Для достиженія этой цѣли онъ, съ одной стороны, скрываетъ ихъ слабыя стороны, а съ другой — выводитъ изъ нихъ самыя смѣлыя и неожиданныя заключенія. Зачѣмъ же дѣлаетъ это Геккель? Вѣдь не одна же жажда дешевой популярности и доставляемыхъ ею выгодъ руководитъ ученымъ естествоиспытателемъ въ данномъ случаѣ.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ для всякаго читателя его сочиненій. Постоянный Leitmotiv ихъ состоитъ въ слѣдующемъ. Надо разрушать христіанскія церкви, надо уничтожать вѣру въ Бога, надо снять покрывало со всѣхъ тайнъ природы, надо замѣнить Библію его „Исторіей творенія“, церковныя зданія филогенетическими музеями, а христіанство — „Культомъ Простѣйшихъ“, при чемъ безсмертнымъ пророкомъ этого культа, конечно, станетъ самъ Геккель. Естественно, что такія цѣли увели Геккеля далеко за предѣлы зоологіи и вмѣстѣ съ этимъ потребовали отъ него не только знанія иныхъ, помимо біологіи, естественныхъ наукъ (физики астрономіи и т. д.), но даже столкнули его лицомъ къ лицу съ философами и теологами. Въ 1898 году появилась его книга „Міровыя загадки,“ которая, какъ показываетъ уже само названіе, потребовало отъ ея автора, можно сказать, энциклопедическихъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ, эта книга, кромѣ антропологической своей части, содержитъ другія части, относящіяся къ психологіи, космологіи и теологіи. Въ какой же степени обладалъ соотвѣтствующими тому познаніями Геккель? Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о тѣхъ научныхъ и философскихъ средствахъ, которыми онъ

внѣ своей спеціальности располагалъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь рядъ небезинтересныхъ въ этомъ отношеніи мнѣній и отзывовъ о немъ различныхъ ученыхъ и мыслителей. Вотъ, напримѣръ, разсказъ извѣстнаго физіолога Ціона, характеризующій познанія профессора Геккеля въ области физики. „Въ 1878 году я имѣлъ случай,—пишетъ Ціонъ,—присутствовать на одномъ обѣдѣ въ Сенъ-Клу въ честь Геккеля. Когда его спрашивали о впечатлѣніи, произведенномъ на него Парижемъ и выставкой, онъ разсыпался въ похвалахъ, дышавшихъ глубочайшимъ удивленіемъ ко всему тому, что онъ видѣлъ; слово „чудесный“ не сходило съ его устъ. На вопросъ о томъ, что больше всего его поразило въ геніи французовъ, Геккель, не задумываясь, отвѣтилъ: „Искусство, съ которымъ они ухитряются ввести большой кусокъ льда въ графинъ съ узкимъ горлышкомъ“. Всеобщее изумленіе не ускользнуло отъ Геккеля, который сейчасъ же добавилъ: „Я подумалъ относительно дна бутылки, не отвинчивается ли оно, но внимательно разсмотрѣвъ его, убѣдился, что нѣтъ. Я положительно отказываюсь объяснить искусство французовъ“. „Такимъ образомъ, — говоритъ Ціонъ, — замороженный графинъ явился необъяснимымъ чудомъ для ученаго, претендующаго объяснить всѣ чудеса вселенной!“

Вполнѣ понятно поэтому становится то обстоятельство, что эти „объясненія“ заставили извѣстнаго физика Хвольсона посвятить большую часть своей книги: „Гегель, Геккель, Коссутъ и Двѣнадцатая Заповѣдь“, разбору научныхъ ошибокъ Геккеля и дать такое заключеніе по поводу его физическихъ познаній. „Даже тотъ,—пишетъ профессоръ Хвольсонъ, — кто обладаетъ лишь тѣми небольшими познаніями, которыя даетъ школьный учебникъ физики, можетъ безошибочно отвѣтить на всѣ эти вопросы. Онъ легко убѣждается въ томъ, что Геккель не имѣетъ никакого понятія о законѣ энергіи, не потрудился, хотя

бы поверхностно, ознакомиться съ этимъ закономъ и черпалъ свои свѣдѣнія изъ самыхъ мутныхъ источниковъ. Все, что онъ говорилъ о „фундаментѣ“ и „путеводной звѣздѣ своей философіи“, просто-напросто совершенно невѣрно, основано на какихъ-то недоразумѣніяхъ, исполнено тѣмъ специфическимъ духомъ пустословія, который нами характеризованъ выше. Бѣда тому гимназисту, который до такой степени неправильно сталъ бы объяснять законъ энергіи!“

Множество философовъ и теологовъ, взявшихъ на себя трудъ разсмотрѣть „писаніе“ Геккеля, произнесли подобные же и даже болѣе строгіе приговоры надъ вышеупомянутой книгою.

Одинъ изъ извѣстныхъ соотечественниковъ Геккеля профессоръ философіи въ Берлинѣ, Фридрихъ Паульсенъ, въ своемъ произведеніи „Эрнстъ Геккель какъ философъ“ не безъ національной горечи даетъ о книгѣ „Міровыя загадки“ такой отзывъ: „Я прочиталъ эту книгу и покраснѣлъ отъ стыда, задумавшись надъ состояніемъ образованія вообще и философскаго образованія въ частности нашего народа. То обстоятельство, что такая книга оказалась возможной, что она могла быть написана, отпечатана, куплена, прочитана, вызвала одобреніе и принята была въ серьезъ у націи, имѣющей Канта, Гёте и Шопенгауера, это — весьма прискорбный фактъ“. Вотъ поистинѣ цѣнное признаніе вдумчиваго нѣмца, почувствовавшаго, что съ его народомъ творится что-то недоброе.

Однако и этотъ нѣмецкій профессоръ, имѣвшій мужество отмѣтить прискорбность факта, не пошелъ дальше этого и не постарался углубиться въ его разслѣдованіе. Между тѣмъ, какъ фактъ этотъ является въ такой же мѣрѣ прискорбнымъ, въ какой и поучительнымъ. Онъ показываетъ, съ одной стороны, что люди, вдохновляющіеся подобно Геккелю въ глубинѣ своей души, въ сво-

емъ творчествѣ ненавистью къ Христовой Истинѣ, становятся врагами всякой истины и приносятъ плоды той „объективной научной истины", которые заставляютъ краснѣть за нихъ ихъ соотечественниковъ.

И если такіе враги христіанства въ Германіи, какъ Ницше и Штирнеръ, въ своей проповѣди культа „я" доходили до изступленныхъ восклицаній относительно разума, истины и науки: „Долой ихъ!.. — потому что они стоятъ мнѣ на дорогѣ". „Ничего нѣтъ истиннаго, все позволительно", — то въ Геккелѣ, который теоретически кажется, между прочимъ, столь далекимъ отъ нихъ, фактически, однако, можно найти своего рода „реализацію" этихъ настроеній. Враждебность къ христіанству не только заставила Геккеля, не имѣющаго соотвѣствующихъ познаній, дерзко вторгнуться въ неизвѣстныя ему области науки философіи и безсознательно искажать истину она довела его до сознательнаго искаженія этой истины и въ тѣхъ областяхъ науки, которыя ему былл хорошо извѣстны. Мы говоримъ о тѣхъ его „фантазіяхъ", которыя, по словамъ д-ра Деннертъ, „доказываются черезъ кеногенезисъ (т.-е. подлогъ)...; все равно будетъ ли этотъ подлогъ въ томъ, что прямо-таки изобрѣтаются вещи, которыхъ еще ни одинъ человѣкъ не видѣлъ... или въ томъ, что одно и то же клише употребляется для различныхъ предметовъ; или въ томъ, что рисунки другихъ изслѣдователей перерисовываются и измѣняются, чтобы такимъ образомъ соотвѣтствовали иллюстрированнымъ фактамъ фантазіи Геккеля, или, наконецъ, въ томъ, что цитаты измѣнялись, переиначивались или обрѣзались, чтобы онѣ могли служить къ подтверженію геккелевской догмы".

Грубыя поддѣлки эмбріологическихъ фигуръ и другіе подобные пріемы геккелевскихъ „доказательствъ" и борьбы съ противниками были разоблачены его же товарищами по наукѣ. Объ этомъ многое можно найти

въ вышеупомянутой книгѣ д-ра Деннерта. Какъ на образчикъ одной поддѣлки мысли, поддѣлки съ внѣшней стороны, какъ будто ничтожной, но насамомъ дѣлѣ столь серьезной, что благодаря ей „нѣтъ“ обращается въ „да,“ мы укажемъ на то, что, между прочимъ, недавно было отмѣчено извѣстнымъ русскимъ біологомъ А. Тихомировымъ въ его брошюрѣ „Созданіе жизни на землѣ“. „Геккель позволяетъ себѣ,—пишетъ А. Тихомировъ,—прямой обманъ читателя и говоритъ, что попытки получить живое изъ неживой матеріи „по большей части“ не удались, заставляя, такимъ образомъ, думать довѣрчиваго читателя будто кому-то и когда-то такія попытки удались, чего, какъ извѣстно всякому ученому, никогда не было“. Ничтожная и, повидимому, безобидная вставка „по большей части“ мѣняетъ всю суть дѣла и вселяетъ въ голову несвѣдущаго читателя мысль о томъ, что въ концѣ-то-концовъ все-таки жизнь создать удалось.

Неразборчивость въ выборѣ аргументовъ Геккеля сдѣлала то, что даже нѣкоторые сторонники дарвинизма, въ родѣ Карла Фохта, оказались его противниками. А его крайне дерзкая выходка на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ требовалъ того, чтобы его теорія о происхожденіи человѣка была принята за руководящее начало въ дѣлѣ всякаго образованія и воспитанія, вызвала противъ него громовую рѣчь извѣстнаго ученаго Вирхова.

Несмотря, однако, на эту рѣчь и то единодушіе, съ которымъ отнеслись физики, біологи и философы къ воззрѣніямъ Геккеля, они все же получили вліяніе на толпу и возымѣли успѣхъ въ широкихъ массахъ. Отчего же это произошло? Да оттого, что люди, отошедшіе отъ Христовой Истины, охотно принимаютъ то, что льститъ ихъ низменнымъ инстиктамъ, что освобождаетъ въ нихъ звѣря, а можетъ быть, даже и пробуждаетъ сатанинскій духъ гордости, которому претитъ вѣковѣчная Христова

Истина. Несомнѣнно, что многіе молчали даже о тяжкихъ научныхъ грѣхахъ книгъ Геккеля, такъ сказать, изъ тактическихъ побужденій. Атмосфера безбожнаго эволюціонизма, окутывающая множество современныхъ умовъ, въ значительной степени объясняется той исключительной вѣрой въ „я“ и отвращеніемъ отъ Бога, которая снимаетъ узду съ человѣческихъ страстей и дѣлаетъ человѣка „свободнымъ“ исполнять свои похоти, или „рабомъ“ грѣха. Громадное значеніе естествознанія во внѣшней жизни современнаго человѣчества, въ дѣлѣ процвѣтанія техники, созданія комфорта, жизненныхъ удобствъ и удовольствій до нѣкоторой степени располагаетъ полуинтеллигентную массу къ охотному и радостному усвоенію принциповъ безбожнаго эволюціонизма, якобы тѣсно связаннаго съ естествознаніемъ. Разслабляется духовно человѣкъ массы, убаюкивается его внутренняя жизнь, гаснутъ духовные запросы и интересы, заглушается жажда святой истины, замѣняясь жаждой все новыхъ и новыхъ удовольствій и мѣщанскаго благополучія.

Но въ то же время въ этой массѣ встаютъ другіе люди съ страстной жаждой власти надъ массой, съ вѣрой въ свое „я“, которые несутъ этой массѣ обѣщаніе накормить и напоить ее, давъ ей новую вѣру— „безбожный эволюціонизмъ“ и „животный соціализмъ“ съ одинаково устроенными для всѣхъ стойлами. Эта вѣра сулитъ своимъ приверженцамъ въ будущемъ „Человѣка-бога“ или „сверхчеловѣка“ вмѣсто Богочеловѣка, котораго чтитъ христіанство.

И вотъ этой-то вѣрѣ приносится въ жертву все святое. Напрасно удивляются люди паденію цѣнностей моральныхъ, научныхъ и всякихъ другихъ.

Здѣсь опять оправдываются слова: „вы отвернулись отъ молитвы и вамъ не будетъ просвѣщенія“.

Подъ вліяніемъ писателей, подобныхъ Геккелю, сгу-

щалась атмосфера и надвигалась та страшная гроза, ужасъ которой мы теперь переживаемъ. Одни сѣяли безбожіе, другіе наслаждались мѣщанскимъ благополучіемъ и буржуазнымъ счастьемъ, полнымъ комфорта и удобствъ, третьи, искажая христіанское ученіе о братствѣ и равенствѣ людей передъ Богомъ, всю душу свою влагали въ требованія для людей уравненія ихъ животнаго довольствія, ставя на первый планъ культъ единаго хлѣба.

И всѣ вмѣстѣ при этомъ кичились своей приземистой разсудочностью. И заглушался понемногу голосъ совѣсти въ той націи, наиболѣе благородные сыны которой, подобно Фридриху Паулсену, предчувствовали что-то зловѣщее, заглушались высшіе запросы духа и Христовой правды, будились хищническіе инстинкты, грубая жажда власти и захвата. Разразилась, наконецъ, эта сгущенная атмосфера войной, войной ужасной, небывалой. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ".

И вотъ всѣ цѣнности, добытыя громадными усиліями человѣческой мысли и воли, науки, техники и искусства, пошли на службу этой войнѣ.

Человѣкъ изучилъ математику, механику, химію, и знанія эти пошли на бросаніе страшной силы бомбъ и ядеръ въ храмы и памятники искусства. Человѣкъ завоевалъ воздухъ, и вотъ полетѣли цепелины и аэропланы для того, чтобы убивать мирныхъ гражданъ и разрушать, разрушать все, что попадется. Все, что было создано, пошло на убійство и разрушеніе. Эти внѣшніе ужасы есть прорвавшійся гнойникъ европейской культуры. Мы, русскіе, страдаемъ и должны страдать за свои грѣхи, мы тоже отчасти виноваты были въ воспріятіи той атеистической и безрелигіозной атмосферы, которой былъ зараженъ Западъ и въ особенности Германія въ послѣднее время. И развѣ многіе изъ насъ русскихъ не склонны были прославлять всѣхъ этихъ Геккелей, Ницше,

Штирнеровъ, Марксовъ и другихъ корифеевъ безбожной, антихристіанской мысли и брать ихъ для себя въ качествѣ руководителей и учителей въ исканіи истины?

Незадолго до войны въ Москвѣ группа русскихъ интеллигентовъ устроила чествованіе этого самаго Геккеля. И вотъ на этомъ чествованіи одинъ изъ русскихъ чествователей имѣлъ смѣлость откровенно признаться, что чествуемый — „человѣкъ, написавшій безчисленное множество работъ, съ которыми едва считается современная наука". За что же, однако, эти люди чествовали пресловутаго Геккеля? „Въ Эрнестѣ Геккелѣ мы чтимъ, — говорили они, — величайшаго борца за свободу научнаго изслѣдованія". Пусть такъ. Посмотримъ, однако, какъ же этотъ борецъ за свободу научнаго изслѣдованія, — борецъ за цѣнность науки, выдерживаетъ испытаніе, когда наступаетъ эта ужасная война. Оказывается ли онъ способнымъ поднять знамя науки надъ грубымъ нѣмецкимъ милитаризмомъ и громко сказать свое слово о всечеловѣчности ея идеаловъ.

„Въ Іенѣ, — читали мы въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года въ газетахъ, — подъ предсѣдательствомъ Геккеля состоялось собраніе германскихъ профессоровъ и ученыхъ. Участники собранія постановили отказаться отъ иностранныхъ ученыхъ званій и почетныхъ дипломовъ, пожалованныхъ учеными корпораціями". Вотъ каковымъ оказался этотъ пресловутый защитникъ цѣнности науки!

Не выше оказались и представители нѣмецкой литературы. Возьмемъ, напримѣръ, нѣмецкаго писателя Гауптмана, пьесы котораго не такъ давно не сходили со сцены Художественнаго театра въ Москвѣ и не смотрѣть которыхъ считалось чуть ли не грѣхомъ для нашей интеллигенціи. Мысль его, какъ и многихъ другихъ протестантскихъ раціоналистическихъ писателей, въ изображеніи жизни безнадежно билась между двумя полюсами, имена коихъ сверхчеловѣческая гордыня и

мѣщанская пошлость. Эта мысль служила духовной пищей многихъ нашихъ интеллигентовъ.

И вотъ въ то время, когда нашъ простой русскій народъ глушилъ свою тоску въ винѣ, доходя иногда подъ вліяніемъ его до возмутительныхъ проявленій хулиганства, оторванная отъ народа интеллигенція бѣжала за духовной пищей къ этимъ писателямъ, надѣясь, что они дадутъ ей средство разсѣять ту духовную тоску, которую испытываетъ сердце, лишенное Христовой вѣры.

Что же услышали мы отъ этихъ учителей, когда пришла пора испытанія для нихъ самихъ?

„Наши доблестныя войска,— говорилъ нѣмецкій писатель Гауптманъ,— дѣйствительно внесли разрушеніе въ часть Бельгіи, но это я вилось проявленіемъ силы, сознающей свое могущество".

Опять вспоминаются слова нашего русскаго философа: „Вы уничтожили молитву, не будетъ вамъ и просвѣщенія".

Но развѣ не было атеистовъ ученыхъ и писателей въ другихъ западныхъ странахъ и у насъ въ Россіи?— спросятъ нѣкоторые. Конечно, были, скажемъ мы. И даже очень много ихъ было и у насъ; послѣднее, однако, потому, что мы особенно любили устремлять свои взоры на Западъ, и въ особенности на Германію. Кто имѣлъ дѣло съ книжнымъ рынкомъ въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, въ 1904, 5, 6 и 7 годахъ тотъ знаетъ съ какимъ трудомъ могли проникать на него не только тѣ изданія, которыя открыто выступали противъ безбожія, но даже и тѣ, которыя имѣли въ виду лишь напомнить людямъ о существованіи вѣковѣчныхъ цѣнностей, тотъ знаетъ, въ чьихъ рукахъ находился этотъ рынокъ, и какимъ безбожнымъ хламомъ, по преимуществу нѣмецкимъ, онъ было заваленъ. И смѣло можно сказать, что ни одна страна въ послѣднее время не дала такого множества популярныхъ и широко распространяемыхъ въ массѣ безбожниковъ, какъ Германія.

Атеисты другихъ странъ, повидимому, не имѣли столь алчнаго желанія проповѣди своего атеизма некультурной массѣ народа, и самое отношеніе къ атеизму у нѣкоторыхъ изъ нихъ было совсѣмъ иное, не столь фанатическое, а потому ихъ и не пропагандировали у насъ, въ Россіи, тѣ, кому было нужно разрушать вѣру въ русскомъ народѣ.

Возьмемъ для примѣра французскаго атеиста, тоже естествоиспытателя Феликса ле Дантекъ. Его имя мало извѣстно у насъ. Между тѣмъ онъ написалъ книгу: „l atheisme" въ которой откровенно признается въ своемъ безбожіи. Ле Дантекъ, извѣстный профессоръ біологіи, читавшій курсъ въ Парижиской Сорбонѣ, ученикъ Мечникова и главный представитель во Франціи натуралистическаго монизма, проповѣдь котораго ведетъ Геккель.

Этотъ ученый даетъ намъ въ своей книгѣ то, что онъ самъ называетъ „исповѣдью своего невѣрія". „Я атеистъ,— пишетъ онъ,—точно такъ же, какъ бретонецъ, такъ же точно, какъ люди бываютъ брюнеты и блондины, т.-е. помимо своего желанія... Я родился атеистомъ".

Не занимавшись философскими вопросами спеціально онъ рано отдался изученію математики и естествознанія, и такъ какъ „бытіе Бога для него ничего не объясняло, ибо онъ не находилъ никакого смысла въ этой формулѣ", онъ отдавалъ предпочтеніе объясненіямъ матеріалистовъ, такъ какъ „и душа ему была столь же чужда, какъ и Богъ".

Постепенно онъ, однако, позналъ, что догматическій матеріализмъ есть своего рода метафизика, и сталъ самнѣвающимся въ самомъ знаніи агностикомъ. Однако, убѣжденіе въ томъ, что онъ ничего до конца не знаетъ, не разрушило въ немъ убѣжденія въ основательности, съ научной точки зрѣнія, ученія натуралистическаго монизма, который онъ называетъ научнымъ атеизмомъ. Истина его пока кажется для него въ научномъ смыслѣ не-

поколебимой, но въ жизненномъ смыслѣ онъ признаетъ ее безотрадной, настолько безотрадной, что именно ее имѣя въ виду, эпиграфомъ своей книги онъ ставитъ изреченіе: „если есть что-либо ужасъ наводящее въ поискахъ истины, такъ это то, что ее иногда находятъ".

Если мы, по словамъ ле Дантека, не имѣемъ права, видѣть въ невѣріи результатъ достаточно *полнаго,* достаточно *обоснованнаго* знанія, то, съ другой стороны, нельзя его выдавать и за результатъ обсолютно *безпристрастнаго* анализа, *безусловно объективнаго изслѣдованія.*

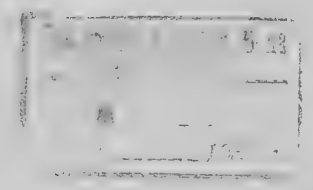
„Имѣю ли я право,—пишетъ Дантекъ,—говорить, что я пришелъ къ своимъ убѣжденіямъ безъ предвзятой идеи? Долго я вѣрилъ этому; теперь же каюсь, что то было заблужденіе. Атеистъ по темпераменту, я посвятилъ жизнь свою научнымъ занятіямъ, которыя, *казалось* мнѣ, привели бы меня къ атеизму даже если бы я былъ и вѣрующій. Но вѣдь если бы я былъ таковымъ, я не направилъ бы своихъ занятій тѣмъ же самымъ образомъ".

„Увы! жизнь,—говоритъ онъ,—невозможно изучать безъ всякой предвзятой идеи или, по меньшей мѣрѣ, безъ тенденціи, заранѣе намѣченной въ сторону предпочтительнаго принятія того, а не другого способа объясненія". Дантекъ, такимъ образомъ, откровенно заявляетъ, что естественная наука не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ рѣшенія вопроса вѣры. Между тѣмъ, какъ Геккель имѣетъ дерзость скрывать свое невѣріе подъ тогой якобы научнаго изслѣдованія, тѣмъ создавая мнимую принудительность своихъ взглядовъ для мало понимающихъ людей.—„Я не вѣрю,—пишетъ ле Дантекъ,—ни въ Бога, ни въ душу человѣческую, ни въ свободу, ни въ личность; но другіе люди, иначе организованные, чѣмъ я, охотно во все это вѣрятъ, очень этимъ довольны и основы ихъ вѣры ни чуть не менѣе убѣдительны и правильны для нихъ, чѣмъ отрицаніе всего этого для невѣрующаго".

Здѣсь у невѣрующихъ, по мнѣнію нашего извѣстнаго писателя, В. А. Кожевникова, Дантекомъ уже *отрицается самая возможность опровергнуть вѣру*, доказать ея несостоятельность, а за вѣрующими сохраняется преимущество надъ невѣрующими въ *переживаніяхъ религіознаго опыта*, изъ котораго они почерпаютъ духовную силу для выясненія нравственно-духовнаго смысла и нравственнаго рѣшенія міровыхъ загадокъ.

Не желая признать за вѣрующими громадное преимущество, воинствующее невѣріе Геккеля, воспитанное въ сферѣ приземистой разсудочности, отрицаетъ реальность содержанія переживанія вѣрующихъ, сводитъ ихъ духовный опытъ на иллюзію воображенія, на бредъ экстаза, на обманъ или самообольщеніе, либо подмѣняетъ эти фактическія, самобытныя, своеобразныя переживанія ошибочными умозаключеніями. Атеизмъ, болѣе вдумчивый и безпристрастный въ лицѣ ле Дантека, не рѣшается на это.

Абсолютная некомпетентность атеиста въ сужденіи о вѣрѣ какъ по недоступности ему свѣдѣній о ней, такъ и по невозможности объективнаго изслѣдованія для него процесса вѣры и непредубѣжденнаго заключенія о ней—таковъ результатъ добросовѣстнаго анализа невѣрія. А вотъ что пишетъ ле Дантекъ объ аскетизмѣ и молитвѣ: „Многіе,—говоритъ онъ,—думаютъ, что монашеское состояніе есть совершеннѣйшее. Я не восхищаюсь монахами, но и не презираю ихъ, ибо убѣжденъ, что, если бы я вѣровалъ, я поступилъ бы какъ они: я, вѣроятно, удалился бы отъ опасности свѣта въ келью". А вотъ его отзывъ о молитвѣ: „Молитва—это самое важное изъ всѣхъ занятій вѣрующаго". Въ отличіе отъ атеистовъ въ родѣ Геккеля, ле Дантекъ твердо констатируетъ въ прошломъ человѣчества, какъ и въ его настоящемъ, тѣснѣйшую связь совѣсти съ идеей Бога, Который является Абсолютнымъ Началомъ нравствен-



ности. Для атеиста, по мнѣнію Дантека, никакихъ абсолютныхъ принциповъ не существуетъ. Все измѣнчиво и преходяще. Честный атеистъ принципіально не долженъ признавать и требованія совѣсти.

Атеистъ, по мнѣнію Дантека, не вѣритъ въ свою личность, въ свою нравственную индивидуальность; онъ видитъ въ себѣ лишь смѣну механизмовъ, связанныхъ между собой наслѣдственностью. „Если нѣтъ Бога, справедливость есть не болѣе, какъ наслѣдіе предковъ, какъ и доброта, какъ и логика“: все это условное, измѣнчивое, преходящее; абсолюта и здѣсь не можетъ быть. Атеистъ живетъ въ обществѣ и самъ по себѣ въ силу своей непослѣдовательности.

„Совершеннаго, законченнаго атеиста,—говоритъ Дантекъ,—нѣтъ на свѣтѣ; если бы онъ былъ—невыносимое страданіе привело бы его къ самоубійству“.

Вотъ почему ле Дантеку понятна потребность милліоновъ людей отъ смиреннаго простеца до великаго философа и ученаго въ „утѣшительныхъ истинахъ, въ логикѣ чувствъ, въ вѣрѣ въ Бога и въ надеждѣ на безсмертіе“. Эти послѣднія слова принадлежатъ великому французскому ученому естествоиспытателю Пастёру, котораго Феликсъ ле Дантекъ называетъ „человѣкомъ, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ примѣнявшихъ научный методъ“. Приведя эти слова, онъ приходитъ къ мрачному заключенію, что истина, раскрываемая невѣріемъ, есть „ужасъ наводящая истина, обезцѣнивающая жизнь и смѣняющая жажду существованія желаніемъ положить конецъ независящему отъ насъ безсмысленному и безцѣльному процессу“.

Вотъ какъ отозвался проповѣдуемый съ такимъ фанатизмомъ нѣмецкимъ профессоромъ Геккелемъ натуралистическій монизмъ въ лицѣ вдумчиваго французскаго натуралиста.

Посмотримъ, что вызвала проповѣдь этого монизма

въ Англіи и какъ реагировали на него англійскіе естествоиспытатели. Какъ только книга „Міровыя загадки“ стала тамъ распространяться, сейчасъ же поспѣшилъ выступить на защиту христіанской вѣры и ея истинъ одинъ изъ знаменитыхъ современныхъ ученыхъ естествоиспытателей — физикъ Оливеръ Лоджъ. Онъ написалъ спеціально съ этой цѣлью „Жизнь и Матерія“, въ которой далъ сокрушающую критику пресловутыхъ „Міровыхъ Загадокъ“, признавъ эту книгу крайне поверхностной и вредной для полуобразованныхъ читателей. Въ августѣ 1913 года этотъ Оливеръ Лоджъ, выбранный президентомъ Британской Ассоціаціи, въ своей президентской научной рѣчи открыто выступилъ на защиту вѣры въ личнаго Бога, безсмертія и другихъ истинъ христіанской вѣры.

Когда же одинъ изъ англійскихъ представителей монистическаго міровоззрѣнія въ своемъ печатномъ, разсчитанномъ на широкое распространеніе трудѣ установилъ и объявилъ слѣдующія положенія: a) христіанство не согласно съ истиной и b) люди науки — противники христіанства, то одинъ изъ членовъ „Лондонской лиги для доказательства истины христіанства“, Г. Табрумъ, обратился непосредственно къ знаменитѣйшимъ представителямъ научнаго и, главнымъ образомъ, естественнонаучнаго знанія съ просьбой дать письменные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Существуетъ ли дѣйствительно противорѣчіе между фактами науки и основными началами христіанства?

2) Приводилось ли имъ въ своемъ жизненномъ опытѣ знать ученыхъ нерелигіозныхъ и враждебныхъ христіанству?

На эти вопросы, адресованные, главнымъ образомъ, къ ученымъ Англіи и Америки, эти послѣдніе въ общемъ откликнулись охотно. Получено было 181 письмо. Нѣкоторые изъ научныхъ дѣятелей къ своимъ отвѣтамъ присоединяли свои печатныя статьи и рѣчи по поводу отно-

шенія науки къ религіозной вѣрѣ. Изъ всѣхъ полученныхъ писемъ Табрумъ опубликовалъ 133 въ книгѣ, вышедшей подъ заглавіемъ „Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ“, русскій переводъ которой былъ изданъ въ 1912 году. Остальныя 48 писемъ онъ не нашелъ возможнымъ печатать потому, что они были посланы съ надписью „частное“ или даже съ просьбой воздержаться отъ ихъ опубликованія.

Въ подавляющемъ большинствѣ отвѣты, данные и въ неопубликованныхъ письмахъ, по увѣренію Табрума, вполнѣ благопріятны вѣрѣ.

Въ общемъ печатные отвѣты говорятъ о весьма интересной психологической чертѣ этихъ ученыхъ, они говорятъ о томъ, что эти истинные творцы точнаго знанія уже въ силу своего благоговѣйнаго отношенія къ истинѣ носятъ въ себѣ зачатки религіознаго начала, понимаютъ значеніе и величіе религіи и не могутъ быть принципіально враждебными ей. Они хорошо понимаютъ, что наука имѣетъ дѣло съ фактами временнаго характера, а религія съ самой вѣчной истиной. Религія занята тѣмъ вѣчнымъ, которое доступно для всѣхъ, не исключая неимущихъ, невѣжественныхъ и несовершеннолѣтнихъ. Наука и религія составляютъ несовпадающія области, тѣмъ не менѣе такія, которыя должны гармонировать и дѣйствительно гармонируютъ между собою прежде всего въ единствѣ источника. „Наука,—пишутъ выдающіеся люди науки,—ищетъ истины; Богъ есть истина. Истина всегда и всюду гармонична въ своихъ проявленіяхъ. Поэтому нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительной разницы между земной и небесной мудростью. „Наука и Откровеніе происходятъ отъ одного и того же Бога“. „Наука, исходя отъ Бога, должна, по заключенію ученыхъ, приводить и приводитъ къ Богу“.

Не имѣя здѣсь времени и мѣста останавливаться подробно на отвѣтахъ этихъ англійскихъ ученыхъ, мы

должны отослать интересующихся къ самой книгѣ Табрума и ограничиться приведеніемъ немногихъ изъ этихъ отвѣтовъ, взятыхъ прямо случайно.

Вотъ, напримѣръ, слова знаменитаго англійскаго метематика и физика Джоржа Стокса, котораго Гексли, лордъ Кельвинъ и Гладстонъ назвали „Ньютономъ нашего времени, царившимъ полноправно надъ всею областью современнаго естествознанія". „Что касается утвержденія,— пишетъ онъ,—будто недавнія научныя изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библіи и религіи, то на это я, не колеблясь ни минуты, отвѣчаю: этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи. Быть можетъ, есть какія-нибудь дикія научныя предположенія, высказываемыя преимущественно людьми второразряднаго знанія и неправильно выдаваемыя за солидно обоснованныя научныя заключенія, которыя по свойствамъ своимъ могутъ вызвать нѣкоторыя затрудненія, если эти фантастическія предположенія признать за истину. Истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ".

Бальфуръ Стюартъ, извѣстный англійскій физикъ, обсуждая достовѣрность воскресенія и вознесенія Христова, говоритъ: „Сохранялось ли въ неизмѣнности дѣйствіе извѣстныхъ намъ силъ природы въ этихъ событіяхъ или же оно было иногда превозмогаемо высшей силой? Несомнѣнно, превозмогалось. Конечно, мы обязаны изслѣдовать очевидность этихъ великихъ событій, но это уже исполнено самымъ совершеннымъ образомъ: исторія, повѣствующая объ этихъ событіяхъ, выдержала испытаніе настолько хорошо, что всякое предположеніе о нереальности ихъ, несомнѣнно, приведетъ насъ къ величайшей нравственной и духовной путаницѣ".

Золотыя слова по настоящему времени! Не видимъ ли мы дѣйствительно той нравственной и духовной пу-

таницы въ умахъ воюющей съ нами націи, воспитанной въ духѣ крайняго протестантскаго раціонализма и приземистой разсудочности? Нѣмцы постарались изгнать изъ человѣка все мистическое, чудесное, все безконечно превышающее нашъ умъ, все, передъ чѣмъ человѣкъ благоговѣйно долженъ склониться, оставивъ въ сторонѣ свои мелкія разсужденія—резонерства, они все положили на операціонный столъ разсудка, все рѣшили вскрыть его ножомъ, ихъ богословы стали писать труды въ родѣ „Сущности христіанства", создавая на самомъ дѣлѣ при этомъ, по мѣткому выраженію нашего философа-публициста В. Розанова, „Христіанство безъ сущности". И что же въ результатѣ? Разрушеніе всѣхъ цѣнностей. Нѣтъ ни науки, ни морали, ни эстетики.

Очень много можно было бы привести отвѣтовъ различныхъ великихъ англійскихъ ученыхъ, имена которыхъ составляютъ красу современнаго естествознанія. Среди нихъ, напримѣръ, лордъ Кёльвинъ, лордъ Листеръ, лордъ Рейлей; изъ химиковъ и физиковъ: Рамзай, Крукъсъ, Гладстонъ, Тэтъ; изъ геологовъ: Джемсъ Гейки; изъ біологовъ: Мэкелистеръ, Ромэнсъ, Томсонъ, Корпентеръ, Оуэнъ и множество другихъ.

Всѣ эти англійскіе ученые съ охотой дали свои имена и завѣтныя мысли, чтобы остановить начавшуюся было въ Англіи проповѣдь безбожія подъ маской псевдо-науки. Они рѣшительно и мощно остановили потокъ, главный источникъ котораго находится въ Германіи.

А что же въ этомъ отношеніи дѣлалось у насъ, когда этотъ потокъ широко катилъ свои грязныя волны по святой Руси, стремясь смыть и разрушить до основанія ея святыни.

Многіе ли изъ нашихъ ученыхъ поднялись тогда противоборствовать этому потоку. Правда, что у насъ нѣтъ можетъ быть, такихъ ученыхъ сейчасъ, какъ въ Англіи, но тѣ, которые есть-то, дѣлали ли они что-нибудь подобное?

Очень и очень немногіе, если говорить мягко.

А вѣдь у насъ есть вѣрующій простой народъ, который жаждетъ просвѣщенія, и есть великая цѣнность—православіе, которое духовно вскормило и вспоило русскаго человѣка. Не будемъ, однако, предаваться воспоминаніямъ стараго и настаивать на осужденіи кого-либо. Не время теперь это дѣлать. Воспользуемся лучше даннымъ намъ урокомъ и сознаемъ, что рухнули многіе кумиры. Постараемся крѣпко хранить наше православіе и положимъ въ основу воспитанія нашего духа эту религіозную народную цѣнность.

И если ужъ намъ непремѣнно надо искать поддержки на Западѣ, то обратимся въ этомъ отношеніи къ нашимъ теперешнимъ союзникамъ—англичанамъ, которые такъ хорошо понимаютъ, что такое религія и вѣра.

Но будемъ твердо держать въ душѣ своей знамя православія, памятуя о томъ, что оно является лучшимъ хранилищемъ христіанства, вѣры въ его чудо, въ его неземное и божественное происхожденіе, въ благодать Божію, исцѣляющую всякія скверны людскія, въ Церковь Христову, преображающую человѣка и озаряющую его особымъ, Ѳаворскимъ свѣтомъ. Это оно даетъ выходъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ заключена западная мысль сверхчеловѣческой гордости, съ одной стороны, и мѣщанской пошлости, съ другой. Это оно дѣлаетъ русскаго человѣка и въ твореніи всего великаго смиреннымъ, пополняя естественную гордость сознаніемъ, что все великое и само вдохновеніе приходитъ отъ Бога и въ совершеніи малыхъ дѣлъ, не позволяя ему стать пошлымъ, ибо все свершаемое оно научаетъ осмысливать при посредствѣ воли Божіей, безъ которой и волосъ съ головы не спадетъ. Все естестенное и разсудочное непремѣнно рискуетъ вступить или на почву сверхчеловѣческой гордыни или на почву мѣщанской пошлости. Ему всегда грозитъ та неожиданная като-

строфа, какая случилась съ западной культурой, строившей свою вавилонскую башню на зыбкомъ пескѣ протестантскаго раціонализма и разсудочности. Нашъ простой русскій народъ не имѣетъ ни сверхчеловѣческой гордыни, ни мѣщанской пошлости. И невольно вспоминаешь слова Достоевскаго: „Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры его и смиренья его".

„Достаточно было избавить,—пишетъ Лодыженскій,—простыхъ русскихъ людей отъ одурманиванія пристрастіемъ къ вину, достаточно было ударить грому войны, войны за православныхъ братьевъ своихъ и за свою родину, чтобы эти простые люди, коихъ многіе интеллигенты обвиняли въ неразвитости, а нѣкоторые желали бы въ нихъ всѣять сѣмена недовольства и классовой вражды,—чтобы эти простые люди оказались стоящими нравственно очень высоко, неизмѣримо выше своихъ „просвѣтителей", всѣхъ этихъ проповѣдниковъ формальной внѣшней правды, проповѣдниковъ человѣкобожія и самоутвержденія".

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.

А. Пуанкаре, членъ Академій Наукъ, проф. Парижскаго университета.—**Наука и гипотеза.** Перев. А. Бачинскаго, Н. Соловьева и Р. Соловьева. Съ портр. автора и предисл. проф. Н. Умова. Цѣна 1 р. 50 к.

Гаральдъ Гефдингъ.—Философскія проблемы. Пер. Р. Соловьева. Цѣна 60 к.

А. Лиштанберже, проф. университета въ Нанси. — **Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель.** Перев. С. Соловьева. Цѣна 2 р.

Сборникъ по философіи естествознанія. Статьи А. Бачинскаго, проф. В. Вернадскаго, проф. И. Огнева, Н. Соловьева, проф. Н. Умова, А. Щукарева. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Соловьевъ.—Философія смерти. Съ портр. автора. Цѣна 75 к.

А. Пуанкаре.—Цѣнность науки. Перев. подъ редакціей А. Бачинскаго и Н. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. Гефдингъ.—Понятіе воли. Перев. подъ редакц. Н. Соловьева Цѣна 30 к.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Н. Соловьевъ.—Религіозный элементъ мысли. Цѣна 20 к.

Г. Бело, А. Дарлю, А. Лиштанберже и др.—Этюды моральной философіи XIX вѣка. Перев. подъ ред. Н. Соловьева и І. Линдемана. Цѣна 1 р. 50 к.

Оливеръ Лоджъ.—Жизнь и Матерія. Критика „Міровыхъ Загадокъ“ проф. Геккеля. Перев. С. Розонова подъ ред. и съ предисл. Н. Соловьева. Цѣна 1 р.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Эмиль Бутру. — Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ. Перев. подъ ред. Н. Соловьева. Цѣна 30 к.

Эмиль Бутру. — Наука и Религія въ современной философіи. Перев. подъ ред. Н. Соловьева. Цѣна 2 р.

К. Леонтьевъ.—О Владимірѣ Соловьевѣ и Эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). Цѣна 30 к.

А. Г. Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Перев. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Цѣна 1 р.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Н. Соловьевъ. — „Научный“ атеизмъ. Сборникъ статей о проф. Геккелѣ, Мечниковѣ и Тимирязевѣ. Цѣна 60 к.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

С. Дурылинъ. Ликъ Россіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰, Москва, Пименовская, с. д.

Цѣна 25 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Москва, Пименовская ул., соб. домъ.